

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК. АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА РУБЕЖЕ XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. 709 с.

Коллективная монография, выпущенная под грифом Российской академии наук и Института русского языка им. В.В. Виноградова, является продолжением более ранних изданий этого типа, «Русский язык и советское общество» (М.: Наука, 1968) и недавнего «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)» (М.: Языки русской культуры, 1996).

Многие явления, анализируемые в книге, наблюдаются уже не одно столетие, но в настоящее время, по мнению авторов, они активизировались и понемногу проникают в литературный язык. Причиной ускорения большинства процессов авторы совершенно правомерно считают расшатывание и размывание норм литературного языка, вызванное общей либерализацией общественной жизни, экспансию некодифицированных форм, возрастание роли социальных жаргонов и проникновение свойственных им явлений в речь носителей литературного языка (мы бы также отметили широкое проникновение спонтанной устной речи в область публичной коммуникации, на радио и телевидение).

Во введении к монографии Л.П. Крысин в самых общих чертах упоминает активные процессы в литературном языке, территориальных говорах, групповых жаргонах и городском просторечии. Заслуживает внимания идея расслоения просторечия на две разновидности, «старую» и «молодую» (так называемое «просторечие-1» и «просторечие-2»), и перечисляются характерные черты обеих подсистем,

Часть I посвящена активным процессам в лексике и семантике. Глава 1 «Семантические процессы» (автор О.П. Ермакова) содержит много свежего материала, в основном связанного с лексической полисемией и наиболее продуктивными её направлениями: перераспределение прямых и переносных значений в группах религиозной и оккультной лексики (по сравнению с советским периодом), расширение значений, связанное с деэтимологизацией, детерминологизацией, перестройкой гипо-гиперонимических отношений. Большое внимание уделяется энантиосемии и прежде всего «частичной энантиосемии», связанной с противоположностью оценки; особо рассматривается «актантная энантиосемия», которая заключается в общем названии для агенса и пациенса, как в слове *отказник* — ‘тот, кому в чём-то отказали’ (в советское время — в выезде за границу) и более новое — ‘тот, кто от чего-то отказался’ (в первую очередь от службы в армии). С актантной энантиосемией сближаются глагольные конверсивы типа *занять* ‘взять в долг’ и ‘дать в долг’. В главе также рассматриваются инновации в области оценки (*престижный, элитный, эксклюзивный, продвинутый*), тенденции в области политической метафоры, некоторые семантические оппозиции, как традиционные (*человек — мужчина — мужик, женщина — баба — тётка — дама*), так и новые (но, надо заметить, менее значимые, типа *бюджетник — небюджетник, натуралы — не-натуралы* и т.п.).

В главе 2 «Сравнительный анализ семантических процессов в литературном языке и в сленге» Р.И. Розина обращается к теме, которую давно разрабатывает. Термином «сленг» обозначается «нестандартная подсистема лексики современного русского языка, которую городское население России, независимо от возраста, образования и профессии, использует в непринужденном личном общении (а в современной социолингвистической ситуации — и в публичной речи)» (с. 100).

В качестве примеров сленгизмов приводятся, в частности, *тусовка* 'сборище', *завязать* 'покончить с чем-либо', *отмороженный*, *накрутка* и т.п. Традиционно в русистике эта подсистема обозначается как «общий жаргон», но автор считает термин «сленг» предпочтительным, так как «жаргон» ассоциируется с закрытой социальной группой и по определению не может быть общим. Р.И. Розина также противопоставляет сленг просторечию, «поскольку этой подсистемой пользуются необразованные и полубразованные горожане, не владеющие литературной нормой» (с. 101). Основная часть главы посвящена семантической деривации глаголов в сленге; в качестве основного направления рассматривается изменение тематического класса глагола (по сравнению с литературным языком). Завершает первую часть монографии глава «Лексическое заимствование и калькирование» (автор Л.П. Крысин).

Наиболее фундаментальный характер имеют главы, посвященные грамматике и фонетике. Часть II «Активные процессы в грамматике» написана М.Я. Гловинской. В преамбуле отмечается, что «...грамматические изменения, превращение ошибок в варианты и полный переход нового явления из узуса в систему происходит медленно. **Большая часть современных процессов уходит корнями в предшествующие века**» (с. 187). При чтении раздела постоянно бросается в глаза, что в большинстве примеров представлена неподготовленная устная речь, иногда просто неряшливая, в некоторых случаях возникает впечатление, что перед нами даже не ошибка, а оговорка. Автор отдает себе отчет в маргинальном характере материала и, соответственно, некоторой зыбкости выводов. «Трудно сказать, какие из этих явлений и в какой мере могут быть отнесены к системе языка, а какие существуют только в узусе» (с. 259).

Основная масса исследуемых в главе процессов и явлений рассматривается в русле тенденции нарастания аналитизма, однако отмечаются и другие стороны изменений в языковой системе, такие как образование новых видовых коррелятов для двувидовых глаголов (типа *прогарантировать*, *замотивировать*; с другой стороны, *аккредитовывать*, *легализовывать*); развитие значений ряда глагольных приставок (в особенности *от-* и *про-*), спорадические употребления форм совершенного вида в новых значениях (глава «Глагол»). В главе 2 «Тенденция к унификации склонений и сокращению парадигм» отмечается рост несклоняемости, взаимовлияние типов склонения, омонимия падежных форм, с которой автор связывает высокочастотные ошибки в употреблении падежей; большая часть главы посвящена числительным, их формообразованию (которым, как известно, владеют немногие) и употреблению падежных форм.

Интересно сопоставление русского и других славянских языков: отмечается, что русский язык существенно опережает другие славянские языки в части исследуемых в главе процессов, а некоторые явления специфичны именно для русского языка: так, например, несклоняемость существительных стала частью русской словоизменительной системы, тогда как в других флективных славянских языках (сербском, чешском, польском) отчетливо выступает тенденция включать заимствования в систему склонения; или, например, двувидовость глаголов в русском языке – продуктивная категория (класс двувидовых глаголов непрерывно пополняется, в том числе за счёт новообразований с русскими корнями типа *военизировать*), тогда как в польском языке это маргинальный класс, часто даже не упоминаемый в грамматиках (с. 188).

Заслуживает внимания рассмотрение некоторых явлений в широкой диахронической перспективе. Отмечается, что в XVIII и XIX вв. многие из двувидовых глаголов подверглись перфективации или имперфективации (*заарестовать, заатаковать, окритиковать, атаковывать* и т.д.), но соответствующие образования не удержались в языке. Автор проводит параллель с несклоняемыми существительными, которые первоначально тоже приспособлялись к грамматической системе, однако позднее восстановили свою несклоняемость (с. 192). Примечательно, что материал, приводимый в главе, свидетельствует о том, что тенденция к образованию видовых коррелятов или к склонению несклоняемых имен сохраняется и активно проявляется и в устной речи, и в Интернете. Отметим, что это даёт пищу для размышлений: можно предположить, что либо упомянутые процессы носят циклический характер, либо в языке одновременно действуют обе тенденции.

Часть III «Активные процессы в фонетике и орфографии» состоит из трёх глав. Первая глава (автор Л.Л. Касаткин) посвящена процессу отвердения согласных перед мягкими согласными, давно идущему в литературном языке, и содержит результаты многолетних наблюдений над литературным произношением разных слоёв говорящих. Выделяется ряд факторов, ускоряющих или замедляющих данный процесс: характер первого и второго согласного в сочетании, позиция после гласного переднего/непереднего ряда, характер предшествующего и последующего слогов, позиция по отношению к ударному гласному, позиция в начале или в конце слова, длина слова и т.д. В главе 2 «Изменения в просодической системе русского литературного языка» (автор Р.Ф. Касаткина) рассматриваются некоторые сдвиги в акцентуации слов с подвижным ударением, наблюдаемые преимущественно в узусе. В акцентуации сочетаний предлогов с существительными и числительными отмечается тенденция к отказу от исключений, от идиоматики в акцентуации (типа *пóд ноги*); что касается акцентуации глаголов, для форм прошедшего времени отмечается в качестве младшего варианта нормы ударения типа *звалó, ждалó*, что оценивается как развитие дифференцирующей функции ударения (с. 381); в акцентуации кратких форм прилагательных в среднем роде и во множественном числе отмечается движение к младшей норме типа *милó, новó* и *милы!, новы!* с ударением на последнем слоге; в акцентуации сложных слов отмечается отказ от побочного ударения, которое применительно к современному состоянию рассматривается автором как часть фразовой просодии в качестве контрастивного акцента (*прóправи/тельствeнная фракция; воздействовать не на сознание, а на нóдсознáние*); в этом же ключе рассматривается акцентное выделение флексий, частиц, предлогов и приставок. Автор приходит к следующим общим выводам: 1) в акцентной просодии усиливаются агглютинативные тенденции, что проявляется в отчётливо выраженной тенденции к унификации ударения, к отказу от архаики и целого ряда исключений в акцентуации, а также в противопоставлении с помощью акцентуации форм единственного и множественного числа; 2) та же тенденция проявляется и в возникновении новых пограничных сигналов, способствующих отчётливо выраженной делимитации в потоке речи не только слов, но и отдельных морфем (с. 398). В небольшой по объёму главе 3 «Активные процессы в области русского письма» (автор С.М. Кузьмина) рассматривается в основном проблема кодификации орфографической нормы, а также усиление экспрессивной функции письма.

Часть IV «Активные процессы в сферах речевого общения» содержит главы «Активные процессы в сфере публичного общения» (автор Е.И. Голанова), посвященную жанрам устного публичного диалога — интервью и беседе, «Активные процессы в языке средств массовой информации» (Е.В. Какорина), обращенную больше к содержательной стороне дискурса, в частности, языковым и текстовым признакам ключевых слов, «СМИ и Интернет-коммуникация (Интернет-форум как новый коммуникативно-речевой жанр)» (Е.В. Какорина) и «Общение человека с компьютером» (автор А.В. Занадворова), посвященную образу компьютера в речи и компьютерному жаргону непрофессионалов.

В части V «Активные процессы в языке русского зарубежья» (автор Е.А. Земская) рассматривается специфика русской речи эмигрантов 4-й волны, уехавших за границу взрослыми; материал собран в Германии, США, Франции и Финляндии. Основное внимание уделено заимствованиям, которые расклассифицированы по тематическим группам.

Перед авторами стояла непростая задача: со времени выхода последней монографии этого рода прошло только десять лет, и совершенно очевидно, что за такой период в языке едва ли может обнаружиться что-либо принципиально новое. Значительная часть содержащегося в книге материала и идей уже публиковалась авторами в том или ином виде, однако от издания под одной обложкой они приобретают новое качество. В качестве критического замечания следует отметить, что далеко не всё имеет глобальный характер (на который указывает само название книги), не всё заслуживает названия активного процесса, многое не только не может быть приписано указанному периоду, но вообще, по-видимому, является всеобщей тенденцией и не характеризует никакой исторический период и никакой конкретный язык (расширение значения, развитие энантиосемии и т.д.). Иногда ограниченность (и даже единичность) некоторых типов примеров делает их вообще сомнительными в плане отражения общих «активных процессов». Так, например, в главе 3 из части IV под заголовком «Заимствование концепта» рассматривается только слово *киллер*, которое на основании нескольких цитат характеризуется как положительно оцениваемое, а в разделе «Возникновение нового концепта» приводится единственное выражение *новые русские* (что, к слову сказать, сошло бы за **новый** концепт лет 15 назад, но в лексике новизна недолговечна); рубрика «Изменение значимости концепта в культуре» ограничивается концептом *деньги*; и т.д.

Во всех разделах книги сильна социолингвистическая составляющая. Однако приходится отметить, что во многих случаях выступает явная замена старых стереотипов новыми, ничуть не более содержательными (что иногда оставляет неприятный осадок от этого в целом академического издания). Примерно так же, как в советских изданиях упоминалась «царская Россия», теперь упоминается «эпоха тоталитаризма». С некоторым недоумением видишь слова вроде «отношение к диалекту как к единственному и естественному средству общения замещается у большинства сельских жителей отчетливо выраженной ориентацией на литературный язык, оценкой его как более престижной коммуникативной подсистемы, а своего говора — как подсистемы социально ущербной... Немалую роль в этом самоуничтожении сыграла советская школа, в которой преподавание русского языка велось (и ведется до сих пор) с исключительной ориентацией на литературный язык при одновременном третировании диалектной речи как неграмотной» (с. 19–20). Вряд ли обличительный пафос здесь оправдан: едва ли

где-нибудь в мире преподается не литературный язык (или, как сейчас его называют, стандарт), а местный говор. Отмечаемое в книге сужение сферы функционирования «чистого» диалекта, преобладание «смешанных» форм диалектной речи, в которых диалект «разбавлен» разного рода иносистемными элементами, не представляет собой чисто российского явления последних лет (или десятилетий): таково положение во всем мире, и оно неизбежно.

Книга содержит не только ряд теоретически значимых обобщений, идей, дающих почву для осмысления многих явлений, но и немало частных наблюдений, пусть не всегда соответствующих масштабу, заданному в названии, но от этого не менее свежих и ярких. Это издание может использоваться как справочное и даже как учебное пособие, и в этом качестве его стоит рекомендовать и студентам, и преподавателям.

Е.Л. Григорьян

НОВЫЙ ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Ахмадулин Е.В., Овсепян Р.П. История отечественной журналистики XX века: Учебник. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 416 с.

Оба автора нового учебника — и Е.В. Ахмадулин, и Р.П. Овсепян хорошо известны в кругах историков отечественной журналистики. Каждый из них стал новатором в своей научной области, к каждому можно применить слово «первый». Рафаил Погосович Овсепян еще в 1970-х гг. стал пионером в комплексном изучении журналистики страны как многонациональной системы. Он первым решился написать принципиально новый учебник по истории отечественной журналистики 1917–1990-х гг., учебник, который должен был прийти на смену одиозному и архаичному пособию «Партийно-советская печать в борьбе за построение социализма и коммунизма». В 1990 г., когда начали выходить его отдельные части, посвященные деятельности СМИ на разных этапах XX в., это воспринималось не только как прорыв, но и как смелый поступок: во время политических бурь и непредсказуемого будущего масштабная переоценка недавней истории была чревата самыми серьезными последствиями. Через несколько лет вышел в свет уже полновесный учебник «История новейшей отечественной журналистики», в котором процесс ликвидации многочисленных «белых пятен» закономерно приводил к переосмыслению всего хода историко-журналистского процесса в нашей стране. Книга неоднократно переиздавалась и стала действительно настольной для студентов факультетов и отделений журналистики всей страны.

Евгений Валерьевич Ахмадулин заявил о себе в науке как оригинальный и глубокий исследователь печати Дона и Северного Кавказа начала XX столетия. В последние годы им было разработано новое научное направление — изучение прессы политических партий России (от зарождения до 1917 г.). Он впервые системно и масштабно рассмотрел особенности становления и развития изданий консерваторов, либералов, правительственной периодической печати. Благодаря этому, был сделан важный шаг в преодолении классово односторонних представлений об истории журналистики страны. Вся партийная пресса — от крайне